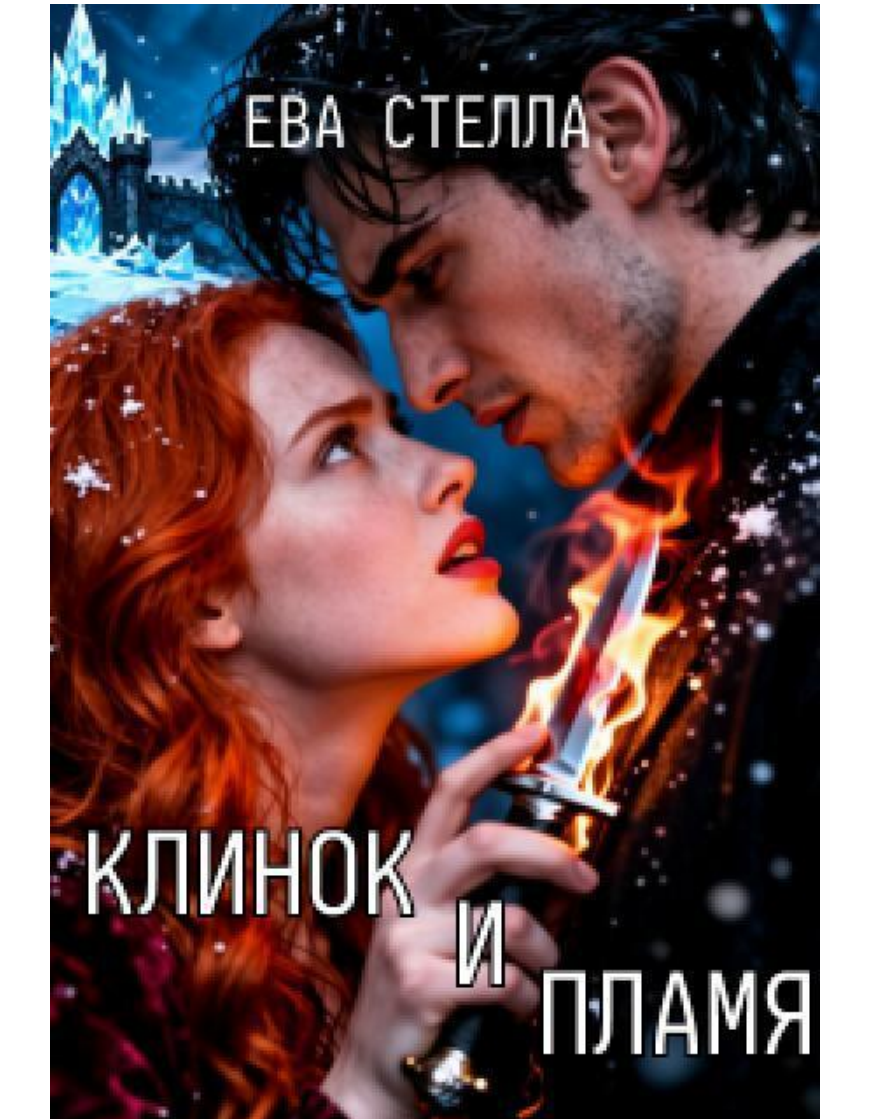

A movie poster featuring a man and a woman in a close, intimate pose. The man, on the right, has dark hair and is looking down at the woman. The woman, on the left, has long, wavy red hair and is looking up at him. They are both wearing dark clothing. The man is holding a sword that is engulfed in flames. The background is a dark, snowy landscape with a castle in the distance. The title 'КЛИНОК И ПЛАМЯ' is written in large, white, stylized letters at the bottom. The name 'ЕВА СТЕЛЛА' is written in white letters at the top.

ЕВА СТЕЛЛА

КЛИНОК И
ПЛАМЯ

Ева Стелла

Клинок и пламя

<https://litres.ru/74432723>

Аннотация

Она пришла убить его, чтобы отомстить за гибель клана. Но судьба столкнула их лицом к лицу, и вместо холодной стали между ними вспыхнуло пламя запретной страсти. Теперь Элара и Каэлан должны сделать выбор: завершить древнюю вражду или объединить кровь Севера и Юга, чтобы спасти мир от пробуждающейся тьмы. История о ненависти, ставшей любовью, и о цене, которую платят за равновесие.

Содержание

Книга 1. Клинок и пламя Глава 1. Запах крови и северного мха	4
Глава 2. Вкус пепла на губах	21
Глава 3. Шрамы, которые не видны г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Книга 1. Клинок и пламя Глава

1. Запах крови и северного мха

Дождь над Перевалом Теней шёл уже третьи сутки, и казалось, сама земля разверзлась, чтобы выпить небесную влагу и заплакать ею обратно. Элара стояла, прислонившись спиной к шершавому стволу вековой сосны, и смотрела вниз, в долину. Там, в серой дымке ливня, высился замок Каэлана - Зубец Ночи.

Капли стекали по её лицу, путались в густых ресницах, заставляя мир перед глазами дробиться на тысячи хрустальных осколков. Она не вытирала их. Соль от недавних слёз смешивалась с пресной водой дождя, и Эларе казалось, что сама природа скорбит вместе с ней, омывая её от позора притворства, в который она собиралась окунуться с головой.

Она прикрыла глаза. Память услужливо подбросила образ из детства: запах северного мха, которым пахли стены их дома, смех матери и тёплый свет очага. А потом - багровые всполохи, крики и тишина. Та самая тишина, которая бывает только после того, как умирает последнее эхо. С тех пор прошло двенадцать зим. Элара больше не была хрупкой девочкой, которую можно было спрятать в погребке. Теперь она - отточенный клинок. А каждый клинок, как известно, рано или поздно находит свое горло.

- Ты так и будешь стоять, как мокрая цапля, или всё-таки спустимся? Я, конечно, люблю сырость - у меня от неё иллюзии ярче выходят, - но к вечеру я начну крякать, предупреждаю сразу.

Рядом с ней, с трудом балансируя на скользком корне, стоял Роган. И если бы у богов было чувство юмора (а Элара подозревала, что оно у них есть, причём весьма извращённое), то Роган был бы его главным шутом. Низкорослый, с вечно взъерошенными волосами цвета ржавой соломы и носом, напоминавшим молодую картофелину, он кутался в линялый плащ, который когда-то, возможно, был зеленым, но теперь имел цвет «забытая на болоте тряпка».

- Ты же маг иллюзий, - Элара даже не повернула головы, продолжая гипнотизировать взглядом далекие башни замка. - Сделай себе иллюзию зонтика. Или иллюзию того, что тебе сухо.

- Ага, щас. Иллюзия не греет, дорогуша моя мстительная, - фыркнул Роган, и от его дыхания в воздухе появилось прозрачное облачко, которое тут же приняло форму утки, открывшей клюв и беззвучно поймавшей несколько дождевых капель. - Иллюзия зонтика - это как поцелуй через платок. Вроде что-то есть, а толку - ноль.

Элара хмыкнула. Уголок её губ, обычно сжатых в тонкую суровую линию, дрогнул. Этот недотёпа с магией обмана был её единственным союзником. Она нашла его полгода назад в придорожной таверне, где он зарабатывал на хлеб, показы-

вая пьяным морякам иллюзию танцующей русалки с лошадиным хвостом вместо рыбьего (он утверждал, что так смешнее, хотя, по мнению Элары, это было просто кошмарно). Он был единственным, кто не пытался её спасти, отговорить или убить. Он просто шёл рядом и хлюпал носом.

- Смотри туда, - прошептала Элара, указывая подбородком на дорогу, ведущую к воротам.

Внизу, по размытой колее, тащилась повозка. Угрюмый возница нахлёстывал тощую лошаденку. Повозка была полна мешков с мукой и пузатых бочек с элем. Это был шанс. Очередь из прислуги и торговцев, несмотря на дождь, двигалась к замку.

- Моя репутация безупречной служанки, умеющей штопать носки и не задавать вопросов, - Элара потянула за тесемки кожаного мешка, висевшего на плече. Оттуда показался край серого шерстяного платья, настолько грубого и невзрачного, что любой мужчина, взглянув на него, немедленно бы зевнул и забыл, кого видел пятью секундами ранее.

- А твое умение перерезать горло, снимая скальп за полтора удара сердца, мы на время спрячем под чепчик? - Роган поежился, но не от холода. Он смотрел на лицо Элары. В такие моменты она напоминала ему ожившую статую из Храма Павших Богов - прекрасную, холодную и смертоносную.

Внешность Элары была подобна клинку, выкованному из лунного серебра. Высокая, с гордой посадкой головы, она обладала той дикой, северной красотой, от которой у мужчин

перехватывает дыхание, а затем - отнимается язык при виде шрама, пересекающего ее левую бровь, и стального блеска в глазах цвета грозового неба. Её волосы, сейчас мокрые и потемневшие до цвета мокрой меди, в сухую погоду отливали червонным золотом, сплетенным в тугую, неудобную для любого оружия косу. Тонкая талия, широкие плечи воительницы и кисти рук, которые с одинаковой лёгкостью могли ласкать струны арфы и сжимать рукоять кинжала.

- Чепчик я уже припасла, - сухо ответила она. - А ты перестанешь быть моим «кузеном-придурком» и станешь просто безымянным шутом, который путается под ногами на кухне. И ради всех предков, Роган, не вздумай показывать свои фокусы в первый же день. Если тебя раскроют, твоя печень станет начинкой для пирога с ливером, который подадут господину Каэлану на ужин.

- Какая заботливая, - пробормотал шут, создавая над головой Элара полупрозрачную бабочку с размахом крыльев в локоть. Бабочка села ей на макушку и тут же растаяла дождевыми каплями. - Ладно. Пошли. Только обещай, что когда ты увидишь этого темного лорда, ты не бросишься на него с ножом для разделки дичи сразу. Дай ему хотя бы доесть тот самый пирог. Вдруг он подавится сам? Смерть через кулинарию - это было бы элегантно.

Элара ничего не ответила. Она сделала шаг вниз по склону. Ноги, обутые в грубые башмаки, привычно находили опору на мокрых камнях. Внутри неё всё дрожало, но не от

страха. Это было предвкушение. Долгое, томительное, как медленный яд.

Каэлан.

Она никогда его не видела, но ненависть нарисовала в ее воображении монстра. Огромного, уродливого, с пастью, полной чужих криков, и руками по локоть в крови её семьи. Она представляла, как войдёт в его покои, когда он будет спать, и как тьма в его глазах сменится вечной пустотой. Это должно было быть просто. Прийти. Увидеть. Убить.

Но почему-то сейчас, глядя на грозные башни, сложенные из черного вулканического камня, она чувствовала нечто иное. Покалывание в кончиках пальцев. Жар, поднимающийся откуда-то из глубины живота к груди, несмотря на ледяной дождь.

Замок был прекрасен в своей мрачности. Он не давил, а словно пел беззвучную песню древней силы. Элара потрянула головой, отгоняя наваждение.

«Это просто камень, - прошептала она себе под нос, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. - Камень и кровь. И скоро одной жизнью там станет меньше»

В её сознании эти два слова - «камень» и «кровь» - существовали в разных вселенных. Камень был символом вечности, незыблемости, холодного покоя. Кровь же означала жизнь, страсть, хаос и её неминуемый конец. Она смотрела на замок перед собой, пытаясь найти в нем опору. Если камень может быть таким равнодушным к течению времени,

то и она должна стать такой же. Холодной. Непроницаемой. Готовой пролить чужую кровь ради своей цели.

Процедура найма в замке прошла на удивление гладко. Кухарка, огромная женщина по имени Гертруда, с руками, способными задушить бычка, и с сердцем, способным пожалеть забитого мышонка, окинула Элору цепким взглядом, каким смотрят на лошадь перед покупкой: зубы, круп, выносливость.

- Худая больно. Руки крестьянские, но есть шрам на ладони? От меча? - Гертруда вдруг перехватила руку Элоры, перевернув её ладонью вверх.

Сердце Элоры ухнуло в пятки, но она даже бровью не повела.

- От серпа, госпожа. Три года работала на покосе у барона ван Харта. Там и научилась быстро работать.

Гертруда хмыкнула, потерла мозолистым большим пальцем линию шрама, и Элора почувствовала, как по коже побежали мурашки от этого грубого, но странно заботливого прикосновения.

- Ладно. Иди мой котлы. И вот что, девочка... - Гертруда наклонилась так близко, что Элора уловила от нее запах лука и имбирного печенья. - В Западное Крыло не суйся. И в Восточную Башню тоже. И на Верхнюю Галерею. И вообще, будь как мышь. Живая мышь, а не та, которую поймал хозяйский кот. Поняла?

- Поняла, - кивнула Элора, потупив взгляд.

Она вышла во внутренний двор, который теперь служил ей полем боя, и на секунду позволила себе закрыть глаза. Дождь наконец стих. Замок пах мокрым камнем, прелой соломой и... чем-то ещё. Едва уловимый аромат, пробивающийся сквозь запах кухни. Аромат сандала, горького шоколада и холодного пепла. Этот запах, казалось, исходил от самих стен, от самого сердца Зубца Ночи.

Замок пугал её. Не потому, что был ей противен или казался враждебным, а потому, что странно, тревожно волновал кровь. Это было древнее место, пропитанное силой, которая ощущалась в самом воздухе. Каждый камень его стен, казалось, хранил эхо чужих судеб, шёпот давно минувших дней и отголоски могущественной магии. Он был живым организмом, молчаливым гигантом, который наблюдал за ней, оценивал и испытывал.

Она не заметила, как остановилась, заворожённая. Её взгляд был прикован к самому высокому окну Восточной Башни - той самой, что всегда была запретной для неё. Туда не пускали никого из гостей, и даже слуги обходили её стороной. Но сейчас она не могла отвести глаз.

В окне горел тусклый, ровный свет. И в этом холодном сиянии был виден силуэт. Высокий, неподвижный.

Там был Он.

Первая неделя тянулась, как смола в янтарном ручье. Эларра чистила котлы, таскала воду, скребла полы. Её спина ныла, руки покрылись ссадинами от грубой ткани и щелока. Но

тело пело от этой боли. Это была честная боль, в отличие от той, что жгла её изнутри. Роган, пристроившийся на побегушках у главного конюшего, каждый вечер подкатывал к ней в темном углу кухни и, жуя краюху хлеба, докладывал обстановку.

- Говорят, он никогда не ест на людях, - шептал он, роняя крошки ей на передник. - И ещё говорят, что в его покоях нет зеркал. Ни одного. Представляешь? Либо он вампир, либо у него жуткий прыщ на носу.

- Меня не интересует его нос, - шипела Элара, выжимая тряпку с такой силой, будто это была шея Каэлана.

- А зря. Нос - это центр лица. Очень важная часть для первого впечатления. Но я узнал кое-что получше. Раз в три дня он ходит в Оранжею на Северной Стороне. Один. Без стражи. Говорят, любит цветочки нюхать. Темный лорд, который разводит орхидеи и вдыхает аромат роз. Ты только вдумайся в этот диссонанс!

Вот оно. Шанс.

Элара знала Северную Оранжею. Это было царство запустения, где время, казалось, остановилось и рассыпалось в прах вместе с опавшей листвой. Дикий виноград, толстый, как корабельные канаты, оплетал ржавые рамы, превращая их в непроходимую живую стену. Старое стекло, позелевшее от времени, пропускало лишь тусклый, мертвенный свет, который не грел, а лишь выхватывал из полумрака силуэты высохших кадок и скелеты экзотических растений.

Здесь царила тишина. В этом безмолвии можно было спрятаться. Затаиться в тени разросшегося папоротника и ждать. Здесь можно было ударить - резко, без предупреждения. И никто не услышит, как захлебнётся кровью великий и ужасный. Его предсмертный хрип утонет в этом могильном покое.

На третий день ожидания, ближе к полуночи, когда небо очистилось и над замком повисла огромная, словно налитая молоком луна, Элара прокралась туда.

Она надела своё боевое облачение под грубое платье. Кинжал, согретый теплом её бедра, казался живым существом, рвущимся на волю. Воздух в оранжерее был густым и сладким от запаха ночных цветов. Элара спряталась за огромной кадкой с папоротником, чьи резные листья напоминали ладони скелетов, и стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

Сначала она услышала шаги. Тяжелые и мягкие. Так ступает хищник, уверенный в своей территории. Затем скрипнула дверь. И в проеме, залитом серебристым светом луны, возникла фигура.

У Элара перехватило дыхание. Всё, что она рисовала в своём воображении, все ночные кошмары и страшные сказки, которыми пугали непослушных детей, — всё это разбилось вдребезги, как хрупкое стекло, упавшее на каменный пол. Перед ней не было клыкастого чудовища с горящими

глазами, не было бездушного хищника, каким она его представляла.

Перед ней стоял... бог.

Но это был не тот сияющий небожитель, которого воспевают в храмах. Это было божество иного рода. Его красота была не тёплой и приветливой, а холодной, острой и опасной, как блеск обсидианового клинка в лунном свете. Он был подобен античной статуе, высеченной из мрамора и оживлённой тёмной волей.

Только бог этот был из тех, кого забыли в подземном царстве, кто вкусил печаль всего мира и теперь носил её на своих плечах, как тяжёлый чёрный бархатный плащ. Эта скорбь была видна в его безупречной осанке, в гордом развороте плеч, в глубине его глаз, в которых застыла вечность. Он был воплощением одиночества, слишком величественный и отстранённый, чтобы быть просто монстром.

Каэлан был высок, на полторы головы выше ее, и сложен, как древний воин с фресок, - широкие плечи, узкие бёдра, длинные, сильные ноги, обтянутые темной кожей. Его волосы, чёрные, как смоль, были небрежно перевязаны на затылке, но несколько прядей выбились и спадали на лицо, обрамляя острые скулы и тяжелый, волевой подбородок. Но глаза... Элара не могла отвести от них взгляда.

Это были глаза человека, который не спал тысячу лет. Глаза цвета расплавленного серебра с вкраплениями глубокой, беспросветной синевы. В них читалась такая вселенская

усталость и странная, нездешняя грусть, что у Элара на секунду забылось, зачем она здесь. В этих глазах не было злобы. В них была бездна.

Она смотрела, как он подходит к кусту белых лилий - единственных цветов, за которыми, видимо, здесь ухаживали. Каэлан наклонился, и его длинные, аристократические пальцы коснулись лепестка. Движение было настолько осторожным, почти нежным, что Элара почувствовала, как где-то глубоко внутри неё, там, где по её мнению, должна была жить только ненависть, что-то предательски сжалось.

- Он убил твою мать! Убил твоего отца! - закричал внутренний голос.

Но тело отказывалось подчиняться. Пальцы, сжимающие рукоять кинжала, онемели. Ей нужно было выйти. Сейчас. Пока он один. Но она не могла. Она стояла и, как замороженная, наблюдала за каждым его движением, вдыхала запах сандала и пепла, исходявший от его одежды, и чувствовала, как к щекам приливает жар, совершенно неуместный для убийцы на задании.

Каэлан вдруг замер. Его спина напряглась. Он выпрямился и медленно, словно зная, где она прячется, повернул голову в сторону кадки с папоротником. Его ноздри дрогнули.

- Выходи, - голос прозвучал низко, с хрипотцой, но без угрозы. Скорее, с любопытством. - Запах лука и имбирного печенья от Гертруды выветривается долго. Но сегодня к нему примешался аромат железа и... лунного серебра.

Элара застыла. Сердце колотилось где-то в горле. Он почувствовал её. Не магией - просто инстинктом зверя. Медлить больше было нельзя. Сейчас он поднимет тревогу, и её план рухнет. Оставался только один путь.

Она вышла из-за папоротника, опустив голову, чтобы чепчик скрывал половину лица. В правой руке, спрятанной в складках юбки, она до боли сжимала кинжал. Нужно сделать вид, что она испугана и заблудилась.

- Простите, господин... - её голос дрожал, и это даже не было притворством. - Я новая служанка. Я... я просто искала травы для госпожи Гертруды. Мяту. Для соуса к баранине.

Она сделала еще один маленький шаг вперед. Расстояние между ними сокращалось. Три шага. Два.

Каэлан не двигался. Он смотрел на неё сверху вниз, и в лунном свете его лицо казалось высеченным из холодного мрамора, но в серебряных глазах плясали странные искры - не злые, нет. Оценивающие. Изучающие.

- Мяту, - медленно, словно пробуя слово на вкус, повторил он. - В этих землях мята пахнет острее, чем на севере. Ты, должно быть, знаешь это, девочка с севера.

Она замерла на расстоянии вытянутой руки. Он знает. Откуда?

Элара подняла голову и встретила с ним взглядом. И в этот момент время остановилось. Луна, словно испугавшись, спряталась за тонкое облако, погрузив оранжерею в глубокий, бархатный полумрак. Их разделяла лишь тишина, на-

полненная ароматом лилий, запахом мха и этим сумасшедшим, рвущимся из груди ритмом ее сердца.

Она должна была ударить. Должна была сделать шаг выхватить кинжал и вонзить его в эту широкую грудь, под которой, она знала, бьется черное сердце убийцы. Но вместо этого её взгляд скользнул по его губам. Они были чётко очерчены, но в уголке рта залегла горькая складка.

И тут произошло то, чего она не ожидала. Каэлан сделал этот последний шаг сам. Он не схватил её, не притянул силой. Он просто сократил дистанцию, и это движение было таким плавным и стремительным, что Элара не успела ни отшатнуться, ни вздохнуть. Он оказался так близко, что жар его тела, неестественный, но не обжигающий, проник сквозь грубую ткань её платья и коснулся её кожи, словно невидимая волна.

- Ты дрожишь, - прошептал он.

Его голос был низким, бархатным и лишённым всякой интонации, но в этой тишине он прозвучал оглушительно. Слова коснулись её виска, его дыхание, прохладное и едва уловимое, пошевелило выбившуюся прядь её волос. Это было не утверждение и не вопрос. Это было наблюдение, полное странной, мучительной нежности, от которой у неё подкосились ноги.

- Но не от холода. И не от страха перед господином.

В его голосе прозвучала тень горькой усмешки. Он знал. Он видел её насквозь.

Его рука медленно, словно во сне или против собственной воли, поднялась от бедра. Пальцы были длинными, бледными и неожиданно тёплыми. Он не сжал её, не причинил боли. Его прикосновение было легче пёрышка. Он коснулся её подбородка, обрисовал линию челюсти большим пальцем, и это простое движение отозвалось в ней дрожью, прокатившейся от макушки до пят. Пальцы были тёплыми и неожиданно мягкими. Он чуть приподнял её лицо, заставляя смотреть ему прямо в глаза. В его взгляде больше не было ни высокомерия хозяина, ни холодного любопытства. В нём бушевал шторм.

Элара почувствовала, как внутри нее рушатся стены, которые она возводила годами. Ненависть, месть, клятвы на крови - всё это вдруг показалось далёким эхом в сравнении с этой обжигающей близостью. Его пальцы скользнули выше, по линии скулы, убирая выбившуюся прядь волос, и коснулись шрама на брови.

- Кто ранил тебя, северная девочка? - спросил он, и в его голосе послышался металл. Только теперь это был не холод стали, а звон туго натянутой тетивы.

Элара молчала. Губы ее пересохли. В голове был туман. Где-то в складках юбки холодел кинжал, но она словно забыла, как им пользоваться.

Каэлан наклонился ещё ниже. Его губы почти касались её уха.

- Я чувствую твою ярость, - прошептал он, и от звука его

голоса по её позвоночнику пробежала волна мурашек, острая, как лезвие, и сладкая, как первый глоток вина после долгой жажды. - Она пахнет северным мхом и горечью полыни. Но сейчас... сейчас я чувствую кое-что другое.

Он отстранился ровно настолько, чтобы вновь заглянуть в её глаза. В его зрачках, расширенных в полумраке, плескалось расплавленное серебро.

- Сейчас ты пахнешь так же, как этот белый бутон лилии, - сказал он тихо. - Бутоном, который вот-вот раскроется в ночи. И я не знаю, что страшнее: кинжал, который ты сжимаешь в правой руке, или это благоухание.

Элара вздрогнула, как от удара. Он всё знал. И про кинжал, и про то, что она не служанка. И всё же он стоял здесь, касался её лица, и смотрел так, словно видел не врага, а потерянную часть собственной души.

В отчаянии, чтобы разорвать это невыносимое наваждение, она резко подалась вперёд, вложив всю свою ненависть в это движение. Но вместо того, чтобы вонзить клинок, её губы, повинувшись какому-то древнему, звериному инстинкту, нашли его губы.

Это был не поцелуй, а вызов. Столкновение двух стихий. Губы Каэлана оказались теплыми и терпкими на вкус, как дым от костра, разведенного в сумерках. На одно бесконечное мгновение он замер, позволяя ей эту дерзость, а затем его рука сжалась на ее затылке, путаясь в волосах, срывая ненавистный чепчик, и он ответил.

Он ответил так, что земля ушла у неё из-под ног. Это была властная, всепоглощающая ласка, которая говорила на языке, древнем, как мир. Это было не грубо, а неизбежно. Он словно пил её гнев, боль, её двенадцать лет одиночества, превращая всё это в расплавленное золото, которое растекалось по венам, заставляя колени подгибаться. Ее пальцы, сжимающие кинжал, разжались. Оружие с глухим стуком упало на каменный пол оранжереи.

Услышав этот звук, Каэлан медленно отстранился. Его дыхание было таким же неровным, как и её. В лунном свете, снова пробившемся сквозь облака, она увидела его лицо - в нём не было торжества, а лишь смятение. И странное, пугающее узнавание.

Он наклонился, поднял её кинжал и, держа его за лезвие, протянул ей рукоятку вперёд.

- Твоя мята, - сказал он, и в уголках его губ впервые мелькнуло нечто, отдаленно напоминающее улыбку. - На кухне тебя ждет соус. Иди. И если решишься попробовать снова... не забудь добавить в блюдо чуть больше соли. Так яд действует быстрее.

Он развернулся и ушёл, растворившись в темноте так же бесшумно, как и появился. А Элара осталась стоять посреди оранжереи, сжимая в одной руке свой кинжал, а другой прикасаясь к губам, которые всё ещё горели от его дыхания. В воздухе витал аромат лилий, смешанный с запахом сандала, и Элара, впервые за двенадцать лет, не знала, что ей делать

дальше. Клятва мести, такая простая и ясная ещё час назад, теперь рассыпалась в ее душе на миллион осколков, острых, как звёзды над Зубцом Ночи.

Глава 2. Вкус пепла на губах

Элара не помнила, как добралась до своей каморки под лестницей, ведущей в подвал. Ноги сами несли её прочь от оранжереи, подальше от этого запаха лилий и серебряного взгляда, который, казалось, проник под кожу и теперь пульсировал там, как вторая кровеносная система.

Она захлопнула за собой хлипкую деревянную дверь и прижалась к ней спиной, тяжело дыша. В каморке было темно, лишь узкая полоска лунного света пробивалась сквозь щель в ставнях, рисуя на полу призрачную дорожку. Элара сползла по двери вниз, села на холодный каменный пол, обхватив колени руками, и уткнулась в них лбом.

Губы горели. Не от боли - от памяти. Она всё ещё чувствовала его вкус. Дым. Сандал. Что-то горьковато-сладкое, как дикий мёд, собранный в горах на закате лета.

- Дура, - прошептала она в колени. - Какая же ты дура.

Она пришла убить его. Убить! А вместо этого... Она коснулась пальцами своих губ, и по телу снова пробежала дрожь, та самая, которую она испытала там, в оранжерее, когда его рука легла на её затылок. Это было предательство памяти отца, матери, всего клана. Она должна была вонзить кинжал, а не...

Элара зажмурилась, и перед глазами снова всплыло его лицо. Не такое, каким она его представляла - искаженным

злобой или надменностью. А такое, каким она увидела его в лунном свете: усталое, прекрасное в своей мрачной красоте, с этой горькой складкой у рта и глазами, полными такой бездонной тоски, что в них можно было утонуть.

Он знал, что она пришла убить его. Знал с первой секунды. И он не только не убил её, не приказал страже схватить, но... Он поцеловал её в ответ. Или она его? Теперь уже не разобрать, кто начал первым. И отдал кинжал обратно.

- «Добавь больше соли, так яд действует быстрее», - прошептала она его слова, и её губы невольно дрогнули в подобии улыбки, которая тут же сменилась гримасой боли. - Он смеётся надо мной. Играет, как кошка с мышью.

Но даже произнося это, она знала, что лжёт себе. В его глазах не было насмешки. Там было что-то другое. Что-то, от чего её сердце, закаленное годами ненависти, сейчас билось, как пойманная в силоч птица.

В дверь тихонько поскреблись.

Элара вздрогнула, рука метнулась к поясу, где больше не было кинжала. Кинжал она уронила там, в оранжерее. Или нет? Он же поднял его и отдал ей. Где он? Она судорожно ощупала складки платья. Пусто. Потеряла. Позор. Воительница, потерявшая оружие в первом же бою. Только бой тот был не на мечях.

- Элара, это я. Открывай, пока меня крысы не сожрали. У них тут зубы, как у маленьких акул, я серьёзно, - раздался приглушенный голос Рогана.

Она с трудом поднялась, отодвинула щеколду. Роган протиснулся внутрь, как юркий хорёк, и тут же замер, вглядываясь в её лицо в полумраке. Его обычно смешливые глаза стали серьезными.

- Что случилось? - спросил он без обычных своих шуточек. - Ты белая, как привидение, которое забыло, как пугать людей. И губы у тебя... распухшие. Ты что, ела что-то острое? Или кого-то?

- Роган, заткнись, - устало сказала Элара, снова опускаясь на пол.

Он присел рядом, на корточки, и вдруг протянул руку и осторожно, почти по-братски, убрал прядь волос с её лица. От этого простого, неожиданно нежного жеста у Элара защипало в глазах.

- Ты его видела, да? - тихо спросил Роган. - Каэлана. И что-то пошло не по плану.

- Всё пошло не по плану, - она закрыла лицо руками. Голос звучал глухо. - Я не смогла. Роган, я стояла там, с кинжалом в руке, я могла ударить... И я не смогла. Я... я поцеловала его.

В камерке повисла тишина. Такая густая, что слышно было, как в углу скребётся мышь.

- Ого, - наконец выдохнул Роган. - Ну... это, конечно, не совсем то, чему меня учили в школе боевых магов. Но, знаешь, в некоторых культурах поцелуй считается формой нападения. Например, если у тебя во рту был яд. У тебя был яд во рту?

- Нет у меня яда во рту, идиот! - Элара отняла руки от лица и посмотрела на него с отчаянием. - Я предала их. Предала всех. Отца. Мать. Брата. Я двенадцать лет жила только ради этого дня. И когда он настал... я растаяла, как снег под весенним солнцем, только потому что у него красивые глаза и он умеет целоваться так, что земля уходит из-под ног!

- Так, стоп. Подожди. - Роган поднял указательный палец, и на его кончике зажегся крошечный магический огонёк, осветив их лица. - Давай по порядку. Во-первых, красивые глаза? У Тёмного Лорда, который вырезал твой клан? Ты уверена, что это не иллюзия? Я, как специалист по иллюзиям, могу сказать, что красивые глаза - это самый простой трюк. Вот, смотри.

Он щелкнул пальцами, и его собственные глаза на секунду стали глубокими, фиалковыми, с золотыми искрами, а потом вернулись к обычному серо-зелёному цвету.

- Нет, - покачала головой Элара. - Это не иллюзия. Это... Это другое. Он знал, что я пришла убить его. Знал с самого начала. И он не тронул меня. Отдал мне кинжал обратно и сказал идти на кухню. Сказал, что для яда нужно больше соли.

Роган присвистнул.

- погоди. То есть ты пришла его убить, он знал об этом, вы целовались, а потом он отпустил тебя и даже дал кулинарный совет по отравлению? - Роган почесал затылок. - Знаешь, Элара, я повидал много странных вещей. Я видел, как

пьяный гном пытался жениться на бочке с элем. Я видел, как маг вызывал демона и случайно вызвал свою тещу. Но тако-го... Либо он полный псих, либо...

- Либо что? - Элара вскинула голову.

- Либо ты ему зачем-то нужна. Очень нужна. И не как очередная служанка или даже как враг. - Роган посмотрел на неё очень серьёзно. - Подумай сама. Человек, о котором ходят слухи, что он купается в крови девственниц и ест младенцев на завтрак, на деле оказывается любителем орхидей и целуется с убийцей, которую мог бы казнить на месте. Что-то здесь не сходится, Элара. И это «что-то» связано не только с твоими губами, хотя, признаю, они сейчас выглядят весьма... вдохновленными.

Элара не ответила. Она смотрела на маленький огонёк на пальце Рогана и думала. Думала о том, что сказал Каэлан. «Ты пахнешь северным мхом и горечью полыни». Откуда он знает, как пахнет северный мох? Откуда он знает, что она с севера? Он узнал её? Но откуда? Они никогда не встречались. Или встречались, но она не помнит?

- Мне нужно узнать больше, - наконец сказала она. - О нём. О том, что произошло двенадцать лет назад. О Камне Крови.

- Вот это деловой разговор! - оживился Роган. - А то «поцеловала, не смогла, растаяла». Я уж думал, ты тут сопли на кулак мотать до утра будешь. Значит, план такой: ты продолжаешь играть служанку и выясняешь, что у него в штанах...

в смысле, в голове. А я пошарю по замку, посплетничаю с привидениями. В таких старых замках всегда есть парочка болтливых призраков.

- С привидениями? - Элара невольно улыбнулась.

- А ты думала! Призраки - лучшие источники информации. Они везде шляются, всё видят и страшно любят поболтать, потому что им скучно. Правда, иногда они путают даты и имена, но зато бесплатно.

Роган поднялся, отряхнул колени и направился к двери, но на пороге обернулся.

- И ещё, Элара... - его голос стал мягче. - Ты не предала своих родных. Ты просто человек. Живой человек из плоти и крови, а не машина для мести. И если этот мрачный тип с красивыми глазами заставил тебя это почувствовать... может, он не такое уж и чудовище, каким его малюют. А может, он чудовище, но очаровательное. В любом случае, будь осторожна. И не ешь ничего, что он тебе предложит. Если он разбирается в ядах так же хорошо, как в поцелуях, ты рискуешь не заметить, как отправишься к праотцам с блаженной улыбкой на лице.

Он вышел, тихо притворив дверь, и в камерке снова стало темно и тихо. Элара осталась одна со своими мыслями, которые метались, как летучие мыши в пещере. Она легла на жёсткий тюфяк, служивший ей постелью, и уставилась в потолок. Сон не шёл.

Перед глазами снова и снова всплывало его лицо в лунном

свете. Она пыталась вызвать в памяти ненависть, пыталась вспомнить крики матери, запах гари. Но эти образы теперь были словно подернуты дымкой, а на передний план выходило другое - тепло его пальцев на её затылке, глубина его глаз, вкус его губ.

Элара перевернулась на бок, поджала колени к груди, как в детстве, когда ей снились кошмары, и закусила край грубого одеяла. Внутри неё боролись два чувства, и она не знала, какое из них победит. Жажда мести, возвращенная двенадцатью годами боли. Или это новое, пугающее, жгучее чувство, еще безымянное, но уже пустившее корни в её сердце, словно дикий виноград, оплетающий стены старого замка - медленно, но неотвратимо.

Где-то вдалеке, в высокой башне, горел свет. Этот крошечный огонёк был единственным живым пятном в океане мрака, и Элара не могла отвести от него взгляда. Она знала, что он тоже не спит. Эта мысль одновременно успокаивала её и заставляла сердце биться чаще. Был ли это знак? Обещание встречи или немой укор? В ночной тишине этот свет казался ей то спасительной гаванью, то притаившейся угрозой, но он был единственной нитью, связывающей её с миром за пределами этих стен.

Глава 3. Шрамы, которые не видны г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.